

В.А. Суковатая

Харковский национальный университет имени В.Н. Каразина,
доктор философских наук, профессор
каф. теории культуры и философии науки

НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ: МИФОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТА ЖЕСТОКОСТИ И РАСИЗМА

(на материале «Записок филолога» В. Клемперера)¹

Исследована концепция немецкого филолога В. Клемперера ("Язык Третьего Рейха" (1947) об использовании нацистами особых языковых средств и архаической мифологии для осуществления антисемитской пропаганды и идеологического проникновения в немецкое коллективное бессознательное. Делается вывод о формировании культа жестокости и расизма по отношению к еврейским, славянским народам через отказ от христианских ценностей.

Ключевые слова: жестокость, нацизм, антисемитизм, насилие, языческая мифология, христианские ценности

© Суковатая В.А., 2012

¹ Настоящая работа подготовлена благодаря 3-месячному гранту Нидерландской Королевской Академии Наук и Института Социальных исследований (2009), Нидерланды, Васенаар. **(This paper was prepared thanks to the grant and 3-months fellowship at the Netherlands Institute for Advanced Study in the Humanities and Social Sciences (NIAS), Royal Netherlands Academy of Arts and Science, the Netherlands, 2009).** Все идеи, а также ошибки, все еще сохранившиеся в статье, принадлежат автору.

В.А. Суковата

ВИКОРИСТАННЯ СКАНДИНАВСЬКОЇ І ДРЕВНЕГЕРМАНСЬКОЇ МІФОЛОГІЇ У ФОРМУВАННІ НАЦИСТСЬКИМИ КУЛЬТУ ЖОРСТОКОСТІ ТА РАСИЗМУ.

Досліджено концепцію німецького філолога В. Клемперера ("Мова третього Рейху" (1947) про використання нацистами особливих мовних засобів та архаїчної міфології для здійснення антисемітської пропаганди та ідеологічного проникнення в німецьке колективне несвідомого. Робиться висновок про формування культу жорстокості та расизму по відношенню до єврейських, слов'янських народів через відмову від християнських цінностей.

Ключові слова: жорстокість, нацизм, антисемітизм, насильство, язичницька міфологія, християнські цінності

V. Sukovataya

USING OF SCANDINAVIAN AND OLD GERMAN MYTHOLOGY FOR FORMING OF NAZI CULT OF CRUELTY AND RACISM

A German philologist Viktor Klemperer in his pioneering book "LTI – Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen" (1947) has analyzed the linguistic tools in which the Nazis carried out anti-Semitic propaganda and its ideological penetration in the German collective unconsciousness. Viktor Klemperer catch sight of many different directions of the Nazi "newspeak". My field of research is a cult of brutality and the "justification of cruelty" towards Jewish, Slavic peoples through a refuse from the Christian values and the "heroism of mercy". The main doctrine of the Nazis was based on the spiritual superiority of the German "master race" and the cult of the general cruelty towards "inferior" peoples. The symbolic Nazi unconsciousness makes the atrocious replacement and the "cruelty" was transformed in the status of "heroism" and the "mercy" was marked as a "weakness". Klemperer writes that the Nazi propaganda glorifies only military heroism, male heroism of battles. And this "heroism" has more similarities with cruelty than with real courage in the meaning of the traditional morality. The sense of "heroism" in the Nazi meaning was connected with the transgression of the traditional prohibition "Should Not kill!" (Old Testament) and Christian mercy (New Testament) through them removing and the rational legitimization of the "hierarchic" racial morality which allows the representatives of the "master race" to humiliate and to destroy all other ("inferior") races. The destroying of Jews symbolized a "transgression" of the traditional humanist ethics. Using the Old German and Scandinavian myths and symbols played a special role in the Nazi "newspeak" and rationalization of the "new Nazi morality". The legitimization of the "new Nazi morality" has received through its derivation from old Teutonic and Nordic history, Old German and Scandinavian mythology.

Klemperer asserts that "germanization" and "mythologization" of the personal names are aimed to isolate German citizens with Jewish origin and biblical names (Absalom, Joshua, Aaron and Sarah) as "aliens" in contrast to the "real Germans" with "Arian spirit" and old mythological names. The Goebbelsian "newspeak" sets off the pagan names of the Nordic mythology against the Christian and Old Testament names same as the morality of the brutish vikings and virgin warriors valkyrs was contrasted to the morality of the mercy and the spiritual courage. That is why the Nazi ideologists often used the Old Nordic names, as a symbol of the "spiritual" and "energetic" connection between the powerful Nordic gods and the Nazist "right to transgress" the traditional Christian and Biblical ethics. The usage of the Old Scandinavian names in the German everyday life helped Nazis to form the symbolic polarities between "ours" and "aliens", "aggressors" and their "victims" on the base of the personal names.

Other symbolic "profit" of Old Nordic names usage was the transformation of "cruelty" as a "Evil" in the ordinary mentality in a "norm". In my opinion, the usage of mythological names and symbols in the ordinary life as if unconsciously is equated the ordinary German soldiers and officers with Old Scandinavian spiritual super-substances, and it meant that "cruelty" was sacred, it was as if the God's right "to punish" the ordinary and lower peoples. So, we can see that using of the Old Scandinavian names and symbols in the Nazi "newspeak" played the important role: 1) "justification" of the Nazi cruelty; 2) symbolical legitimating of the cruelty; 3) the symbolical identification of the German /Arian national superiority.

Key words: cruelty, Nazism, anti-Semitism, violence, pagan mythology, Christian values

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа малоизученного наследия немецкого гуманиста XX века В. Клемперера, и его концепции языка в формировании вражды и жестокости как типов общественного поведения. *Целью* работы является анализ причин обращения нацистов к древней скандинавской мифологии. *Новизна* работы обусловлена вводимым материалом, а также методологий «геноцидальных студий», которая только начинает развиваться в украинской гуманитаристике.

Немецкий филолог Виктор Клемперер получил известность благодаря своей книге «Язык Третьего рейха. Записки филолога» (1947) [1], которая представляла собой его дневник, который он вел с момента прихода нацистов к власти и до окончания Второй мировой войны. Этот дневник представляет собой комбинацию личных впечатлений от повседневной жизни в гитлеровской Германии, анализ механизма холокоста, а также первые попытки исследования тоталитаризма. «Записки» Клемперера можно сравнить с концлагерными записками австрийского психиатра Бруно Беттельхейма [2] или с описанием опыта повседневного выживания в блокаду филолога Лидии Гинзбург [3], то есть текстами, фиксирующими травму пограничных ситуаций – голода, пыток, преследований.

Также подходы Клемперера тематически близки работам Ж.-П. Сартра «Портрет антисемита» (1947) [4] и Х. Арндт «Основы тоталитаризма» (1951) [5], которые сразу после окончания войны пытались разобраться в причинах формирования расистского государства в центре Европы. Статус жертвы Холокоста позволяет поставить Клемперера в один ряд с такими фигурами как Примо Леви, Эли Визель, Поль Целан, Нелли Закс, Анна Франк, Иммануил Левинас, которые в современной культуре известны не только как «свидетели Холокоста», но основатели исследований Холокоста и нацизма.

Философская ценность книги Клемперера состоит в том, что Клемперер одним из первых стал описывать методы проникновения тоталитарной пропаганды в общественное сознание. Именно антитоталитарный пафос «Записок» Клемперера, а также те принципы нейро-лингвистического программирования, которые были использованы нацистами для формирования из «ординарных немцев» (термин К. Браунинга [7]) армии послушных убийц в немецком обществе, известного своим либерализмом в его веймарский период, представляет особый интерес для постсоветской гуманитаристики.

Одной из принципиальных особенностей нацистской пропаганды Клемперер считал языковой тип моделирования мира, в котором значительную роль играла древнескандинавская мифология, а также имена и топонимы с выраженной «тевтонской» семантикой. В частности, в главе XIII Клемперер описывает феномен «переименований», который принимает официальный характер в предвоенной и военной Германии, когда современные немецкие имена заменялись на имена «патриотические», найденные в древнескандинавской мифологии и немецкой романтической поэзии XIX века.

Переименованию подвергались, в первую очередь, населенные пункты с явно иностранными корнями: топонимы и урбанонимы славянского происхождения, объясняет Клемперер, существовали в Германии всегда, в силу того, что в древности значительная часть этой страны была заселена воинственными славянскими племенами, и этот исторический факт оказался отраженным во многих географических названиях. Во время гитлеровского режима более 120 топонимов славянского происхождения было «германизировано» (то есть «переназвано») в Померании и более 2700 на территории Силезии [6]. Разумеется, иронизировал Клемперер, нацисты не могли допустить, чтобы на территории «великой Германии» существовали города, реки

и озера, названные в древностях представителями «низшей расы», которые явно доминировали в указанных регионах.

Под официальный запрет нацистских властей попали также личные имена, имевшие ветхозаветное, то есть древне-иудейское (Авессалом, Аарон, Сара) или французское (английское) происхождение, и которые ассоциировались с нацией противника, либо с еврейской историей, которая всячески унижалась нацистской идеологией. Взамен библейских имен, широко принятых у немцев, вводились древнегерманские имена из вагнеровских опер, романтической поэзии и древнескандинавской мифологии, такие как Зигфрид, Бальдур, Гуннар, Гудруна, и другие.

Клемперер выдвигает и причины такого целенаправленного внимания к переименованиям в нацистском рейхе: 1) С точки зрения немецких идеологов, обращение к мифологическим именам должно было подчеркнуть связь современных немцев со своими «древними немецкими предками», которые противопоставлялись христиано-иудейской традиции; 2) Древнескандинавские мифологические имена выступали как оппозиция к иудейским, славянским, романским именам, которые ассоциировались с образами военного противника, «низшей расой», либо с еврейским происхождением Иисуса Христа.

Если проанализировать нацистские «переименования» с точки зрения современных концепций социально-лингвистического моделирования (Х. Вайнрих, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Блакар) существуют две основные причины, которые стимулируют создание новых слов и выражений в обществе [8]. Первая причина обусловлена прагматически – появлением новых феноменов, которые требуют специального называния. Однако вторая причина имеет идеологический характер, и обусловлена желанием определенных общественных групп или власти *изменить* статус явления, которое уже существует, и такие изменения обосновываются исключительно политическими факторами. Язык создает мир объектов в человеческом сознании, а также дает эмоциональные коннотации к событиям, поэтому система речи представляет определенный угол зрения – дискурс, в терминологии М. Фуко, и этот дискурс, социальный язык, может управлять общественными эмоциями, восприятием фактов и даже их преобразованием (как это было блестяще показано в знаменитом романе Дж. Оруэлла «1984»). Г. Маркузе утверждает [9], что власть использует язык для сокрытия «реальной ситуации» в обществе и с этой целью вводит «переименования» объектов и субъектов.

Если обратиться к феномену целенаправленной замене личных имен, принятых в до-нацистском немецком обществе, на мифологические и поэтические имена древнескандинавского эпоса, и радикального отказа от ветхозаветных имен, то нам представляется продуктивным психоаналитический анализ данного феномена как характерного явления тоталитарного общества. Сама концепция смены имени имеет глубокий смысл, который стремились проанализировать такие русские философы как П. Флоренский и А. Лосев. Так, Флоренский понимал Имя как символическое выражение духовной сущности человека и его предназначения [10], своего рода «высшее орудие магии» [11; р. 265]. Архаические представления о «магическом» характере имени получили развитие в теориях «иллокутивных актов» Дж. Остина и Г. Серля. Концепция «наречений», по мнению А.Ф. Лосева, трансформирующих «состояние в мире», символизирует как бы рождение новой сущности [12]. Отсюда следует, что изменение личных имен, топонимов и урбанонимов символически должно было восприниматься в обществе как сотворение «нового мира». Подобно тому, как ветхозаветный Господь посвятил один из первых дней творения наречению имен людей и животных, нацистская пропаганда использовала переименования *уже существующих* людей, предметов и общественных ситуаций в качестве составной

части моделирования расовой («арийской») утопии, в которой не существует иных имен, кроме сугубо немецких.

Вторым значимым аспектом использования древнескандинавских имен в обиходе Третьего Рейха, является, по нашему мнению, разная семантика библейских и северных имен. Семантика библейских и христианских имен восходит к идее «мира и согласия», а также «восхваления Господа». Например, Авраам – «великий отец» (евр), Соломон – «мирный» (евр), Захар – «бог вспомнил» (евр), Сара – «книгиня» (евр), Суламифь – «мир, покой», и т.д. В противоположность этому, древнегерманские и скандинавские имена выражали воинственную сторону жизни. Например: Брюнхильда означает "защита в бою", Густав – «военный совет», Геральд – «крепкое копье», Хедвиг – "борьба, борьба", Рудольф – "благородный волк", Гертруда – «сильное копье», Эрмина – "воинственность", и др. [13] Таким образом, древнескандинавские имена, возникшие в период борьбы немецких племен за территории, должны были бессознательно склонить их носителей к бою (а не к миру, как ветхозаветные).

Легитимация «новой нацистской морали» происходила за счет романтизации прошлого воинственных немецких племен и образов древнескандинавской мифологии. Установление символических связей между языческим прошлым северных воинов и нацистским настоящим было необходимо, чтобы создать впечатление, что гитлеровский режим явился логическим продолжением немецкой истории. Расистские концепции гитлеровцев представляли собой идеологическую смесь немецкого фольклора, националистической идеализации прошлого в сентиментальных сельских балладах; произвольно истолкованного антимещанского пафоса «сверхчеловека» у Ф. Ницше и реваншистских идей прусского милитаризма. Нацисты использовали образы вагнеровской тетралогии «Кольцо Нибелунгов» как мифологический первоисточник (чего не было в действительности, разумеется) и создали вариант «немецких мифов» на оперной основе, исключая при этом из широкого обихода значительную часть истинного фольклора, если фольклорные сюжеты не соответствовали нацистской теории о «героическом прошлом» немцев. В противовес идеям европейской интеграции, нацисты стимулировали националистические аспекты «народничества» XIX века, и добавили к ним теории арийского превосходства.

Используя древнегерманские имена и их мифологический символизм, нацисты стремились установить "духовные" и "энергетические" связи между мощными скандинавскими богами и солдатами вермахта, как бы «поднимая» немецких солдат на уровень тевтонских богов-воинов, и, тем самым, «позволяя» (на моральном уровне) нарушать традиционные христианские нормы, и первое моральное правило – «Не убий!». Немецкие солдаты и офицеры противопоставлялись евреям и другим расам «недочеловеков» не как агрессоры, а как «наследники бессмертных богов», которые имели «божественное право» устанавливать собственные законы и трансгрессировать традиционную мораль. Таким образом, принятие воинственных тевтонских имен как бы позволяло превратить «жестокость» по отношению к другим народам в «норму», легитимизировать насилие. Моральная ответственность за убийство представителя неарийской расы «вытеснялась» из общественного сознания, а антисемитизм превращался в доминирующую форму общественного поведения.

Современный историк геноцидов Р. Баумайстер пишет о том, что в европейской культуре Нового времени, на основе библейских ценностей, был создан образ «чистого зла», которое не имеет никакого оправдания [14; p.72-78]. «Чистое Зло» заключается в насилии над невинными жертвами и никогда не получает оправдания в общественном сознании. Для моральной легитимации политики насилия нацистской власти требовалось «перевернуть» существующую ситуацию расового геноцида: на роль «чистого зла» назначались жертвы нацистов (евреи, поляки, русские), а нацистскую политику представляли во внешней и внутренней пропаганде в качестве «добра». Так

как реальные факты (Холокост, гитлеровские концлагеря, жестокость по отношению к евреям и советским военнопленным) не позволяли продемонстрировать опасность «зла», исходящего от жертв нацизма, то значительная часть пропаганды заключалась в «переименовании» реальных ситуаций, то есть – лингвистической «трансформации» реальности. В частности, использование старонемецких имен и древнескандинавской мифологии играло одну из ключевых ролей в создании нацистского «новояза», который предназначался скрыть истинные отношения в обществе и создать шизофреническую реальность, в которой истина и ложь поменялись местами. Можно заключить, что идея «германизации» личных имен имела глубинные психологические основания в пропаганде расизма и антисемитизма.

Клемперер упоминает о парадоксальных ситуациях, когда нацистские власти в университетах рекомендовали профессорам не произносить фамилий «Эйнштейн» и «Герц» и не упоминать их теорий, так как создатели этих теорий были евреями. На наш взгляд, можно провести параллель между физическим уничтожением евреев нацистами (то есть создание Европы «без евреев» – «Judenfrei» на жаргоне нацистов) и изыманием из повседневной речи ветхозаветных и еврейских имен как символическое уничтожение еврейского присутствия в немецкой культуре на уровне языкового сознания.

С какой целью это делалось? Согласно современным теориям геноцида [15], «агрессору» тем легче проявить жестокость и осуществить насилие по отношению к «жертве», чем менее жертва воспринимается как член «своей» группы и чем более удалена в психологическом плане. «Чужого» и «непонятого» Другого (еврея, коммуниста, славянина), трудно любить и понимать (какими их изображала нацистская пропаганда), зато легко убить, так как все чужое провоцирует бессознательный страх. Поэтому первой целью нацистского «изымания» еврейских имен было стремление символически отчуждать потенциальных жертв на максимальное расстояние от потенциальных "насилльников", изображая жертв как "чужих" и "враждебных", а "агрессоров" – как "героев". Именно морально-психологическое противопоставление жертв нацистов (евреев, цыган, славян) и "насилльников" (немецких солдат), должно было помочь нацистским солдатам забыть о человеческой морали и убивать беззащитных людей без пощады. Порочные качества "чужих" и их символическое «отчуждение» как бы оправдывало жестокость по отношению к ним. Имена с поляризованной семантикой помогали увеличить расстояние между немецкими солдатами и их жертвами (евреями, цыганами, славянами), и, таким образом, легализовать акты жестокости по отношению к жертвам.

Анализируя записки В. Клемперера, следует признать, что нацистские переименования сыграли важную роль: 1) в символической легитимации нацистами жестокости по отношению к другим нациям; 2) в формировании общественного поведения, допускающего и поощряющего насилие, «героизируя» убийство как проявление «моральной трансгрессии» и качеств «сверхчеловека», романтизируя и восхваляя жестокость в противовес христианскому милосердию и состраданию; 3) в превращении антисемитизма и расизма в часть общественной морали; 4) в искажении фактов и создании символической действительности, сокрытой идеологическими метафорами. Таким образом, использование мифологических имен сыграло важную роль в конструировании культа насилия и жестокости как один из методов нейролингвистического программирования общественного сознания немцев.

Перечень ссылок

1. Klemperer V. Language of the Third Reich: LTI: Lingua Tertii Imperii / V. Klemperer: Transl. from German. Continuum, 2006 – 288 p.
2. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце: пер. с англ. / Б. Беттельхейм // Человек. – 1992 – № 2. – С. 65 – 80.
3. Гинзбург Л.Я. Записки блокадного человека / Л. Гинзбург // Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 517 – 578.

4. Сартр Ж.-П. Размышления о еврейском вопросе / Ж.-П. Сартр // Портрет антисемита. – СПб: Европейский Дом, 2000. – С. 111 – 228.
5. Арендт Х. Джерела тоталітаризму / Х.А рендт: пер. з англ. – К.: Дух і літера, 2005. – 584 с.
6. Клемперер В. ЛГІ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер: пер. с нем. – М.: Прогресс – Традиция, 1998. – 384 с.
7. Browning C.R. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland / C. Browning – New York : HarperCollins, 1992. – 304 p.
8. Blakar R.M. Language as a means of social power / R. Blakar In: Pragmalinguistics, J. Mey ed. The Hague-Paris, Mouton, 1979, p.131 – 169.
9. Marcuse H. An Essay on Liberation / H. Marcuse. – New York: Bacon Press, 1969. – 104 p.
10. Флоренский П. Имена. Малое собрание сочинений / П. Флоренский. – Вып.1, 1993. – 316 с.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т.2. / П. Флоренский. – М., 1990. – 448 с.
12. Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях логических структур / А. Лосев // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982. – С. 246 – 279.
13. Lindow J. Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs/ J. Lindow. – Oxford University Press, 2002. – 384 p
14. Baumeister R. F. Evil inside. Human violence and cruelty / R. Baumeister – New York, 1997. – 448 p.
15. Charny I. Preface / I. Charny. In: Charny I., W. Parsons, Totten S. Century of genocide. Critical essays and eyewitness accounts. – Routledge, New York, London, 2004. – p. XI – XVI.